

Годъ 3-й.

Кн. X.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѦНІЕ.

Издание Этнографического Отдѣла

Императорского Общества Любителей Естествознанія,
Антропологии и Этнографии,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 3.

подъ редакціей

Секретаря Этнографического Отдѣла

Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.

Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Комиссионеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества
Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.

1891.

Нѣсколько данныхъ для характеристики быта съверныхъ бурятъ *).

I. Замѣтки о виѣшнемъ бытѣ въ старину.

1. Жилище.

Въ старину, во времена звѣроловческаго быта, у бурятъ не было ни домовъ, ни юртъ, а были такъ называемые *бухэки* и *балааны*. Бухэкъ устраивался такимъ образомъ: въ землю втыкали нѣсколько длинныхъ жердей такъ, чтобы они образовали конусъ; верхніе концы жердей упирались одинъ въ другой и скрѣплялись. Снаружи жерди обвертывались большими полостями, сшитыми изъ звѣриныхъ шкуръ; верхъ оставался не закрытымъ, и въ щели между жер-

*) Замѣтки эти составлены М. Н. Хангаловымъ, природнымъ бурятомъ, имѣющимъ постоянное жительство въ Хара-нурскомъ улусѣ, Балаганск. окр., Иркутск. губ. Г. Хангаловъ—самый усердный собиратель устныхъ памятниковъ древности среди бурятскаго народа. Кромѣ большої статьи „Новые материалы о шаманствѣ у бурятъ“, составившей отдельный выпускъ Записокъ Восточно-сибирск. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этнографіи (т. I, вып. 1), въ изданіяхъ того же Отдѣла было напечатано нѣсколько мелкихъ его замѣтокъ, какъ напр. о легендахъ о первомъ шаманѣ, о разныхъ повѣрьяхъ у бурятъ, объ древней облавѣ на звѣрей и пр. Кромѣ того, г. Хангаловъ помогалъ г. Агапитову, своему учителю, въ составленіи статьи: „Материалы для изученія шамановъ въ Сибири“, помѣщенной въ „Извѣстіяхъ“ Отдѣла, т. XIV, в. 1—2. Первая часть настоящей статьи, „Замѣтки о виѣшнемъ бытѣ“, есть извлечение изъ рукописи г. Хангалова, другая части которой были уже напечатаны въ изданіяхъ В.—Сиб. Отдѣла; а именно, по словамъ завѣдывавшаго Отдѣломъ Г. Н. Цотанина, все относящееся до обычая облавы было напечатано въ „Извѣстіяхъ“ Отдѣла, т. XIX, в. 3, подъ названіемъ „Зэгээ-аба, облава на звѣрей у древнихъ бурятъ“; легенды же изъ этой рукописи помѣщены въ „Запискахъ“ Отдѣла по этн., т. I, в. 1 (Бурятскія сказки и повѣрья, Иркутскъ, 1889).

дями выходилъ дымъ. Иногда бухэкъ строился изъ молодыхъ сосновыхъ стволовъ, а низъ его вмѣсто мѣховыхъ одѣяль закладывался снаружи хвойными вѣтками, а зимой засыпался снѣгомъ. Перекочевывая съ одного мѣста на другое, буряты брали только мѣховые шкуры, покрывавшія бухэкъ, оставляя бревна на мѣстахъ. Лѣтомъ мѣховые покрышки не употреблялись. Слово бухэкъ происходитъ отъ бурятскаго слова *бухэхэ*— „наклоняться“, такъ какъ входъ въ бухэкъ дѣжался очень низкій.

Впослѣдствіи стали дѣлать деревянные балаганы, по-бурытски *булахан*^{*)}). Со временемъ стали строить также деревянныя юрты, дѣлая ихъ восьмигранныи. Юрты изъ войлока появились у съверныхъ бурята впослѣдствіи и, надо думать, заимствованы у забайкальскихъ бурята..

2. Одежда и обувь.

Одежда состояла изъ шубы, шапки и унтовъ. Въ зимнее время подъ шубу надѣвали узкое и короткое платье, плотно охватывавшее тѣло; оно называлось *самса* (въ настоящее время словомъ „самса“ буряты называютъ рубаху.) Поверхъ самсы надѣвалась шуба, которая шилась изъ звѣриныхъ шкуръ; поверхъ шубы подпоясывались. Въ сильные холода сверхъ шубы надѣвали *доху*—шубу, сшитую мѣхомъ вверхъ, съ разрѣзомъ назади ради удобства при верховой Ѣздѣ.

Лѣтомъ носили одежду того же покрова, но сдѣланную изъ замши. Для этого преимущественно употребляли шкуры козуль. Ихъ гноили до того, чтобы шерсть вся выпада; затѣмъ голую шкуру выдѣлывали и дымили надъ сосновыми шишками. Изрѣдка встрѣчались одежды изъ шелковыхъ матерій, которые получали изъ Китая черезъ Монголію, вымѣнивая на звѣриныя шкуры. На рукахъ носили рукавицы *бэлэ*. На голову надѣвали шапки изъ звѣриныхъ шкуръ съ нашниками.

Женская одежда отличалась нѣсколько отъ мужской по-

^{*)} Знакомъ ѿ означается тотъ звукъ *x*, который въ другомъ нарѣчи переходить въ *s*, напр. *тайн*—*сайн*.

кроемъ, но шилась также изъ звѣриныхъ шкуръ; замужнія женщины носили сверхъ шубы дэлэ, который ради удобства при верховойъ ъездѣ имѣлъ разрѣзъ сзади. Женская и дѣвичья одежда отъ мужской покроемъ не отличалась, но дѣлалась наряднѣе, опушалась сверху полосами болѣе дорогого мѣха и украшалась вышивками.

Обувь у бурятъ была двухъ сортовъ: одна дѣлалась изъ звѣриныхъ лапъ или изъ шкуръ съ ногъ козуль и оленей; это—унты. Другая называлась хэхэ-тодохон; она шилась съ длинными голенищами; носокъ дѣлался очень твердый и выдавался немного въверху шишкой. Во время единоборства бураты били своего противника этой шишкой сапога и иногда убивали его этимъ орудиемъ.

3. Сбруя и оружіе.

Узда дѣлалась такая же, какъ и нынѣ, и называлась хазар; если украшалась серебромъ, то называлась монгон хазар.

Сѣдло, эмэл, стариное было нѣсколько больше нынѣшихъ, украшалось желѣзными высеребренными бляхами.

Стариное оружіе бурятъ составляли лукъ (номо) и стрѣлы. Номо, лукъ, приготовлялся слѣдующимъ образомъ. Лукъ дѣлали изъ березового дерева; затѣмъ съ внутренней стороны оклеивали рогомъ или костью; сверху дерева съ наружной стороны оклеивали жилами, а сверху жиль наклеивали бересту. Луки дѣлались двухъ сортовъ: одинъ былъ плоскій и широкій; онъ бывалъ очень упругъ и далеко бросалъ стрѣлу; такой лукъ буряты называли манза-номо. Такіе луки буряты доставали изъ Монголіи; въ сказкахъ и преданіяхъ такіе луки называются бухар шара номо. Другого сорта луки буряты дѣлали сами; они были почти круглые, снаружи берестяные, изнутри оклеенные жилами.

Стрѣла—годоли или утхэ,—это были стрѣлы оперенные; если же стрѣла не была оперена, тогда она называлась мохо. Наконечники стрѣль, по-бурятски юма, дѣлались различные: одни были плоскіе и продолговатые; и теперь дѣлаются также, только меньшихъ размѣровъ. Были еще наконечники трехгранные; къ концу наконечника грани постепенно умень-

шались и дѣлались острыми. Такіе наконечники дѣлались для того, чтобы рана была больше и вслѣдствіе того опаснѣе.

Стрѣлы бахарган были такія же трехгранныя, но грани ихъ были больше и каждое крыло грани имѣло одно или два отверстія. Такими стрѣлами рѣдко стрѣляли въ звѣрей, такъ какъ они были тяжелы и не могли летѣть далеко; притомъ бахарган сильно свистѣла въ воздухѣ и потому пугала звѣря.

Зэбэ-хума - четвертый видъ стрѣль. Онъ имѣли конусообразные круглые наконечники. Эти стрѣлы дѣлали небольшія раны, но зато проходили глубоко въ тѣло или били на вылетъ. Ими стрѣляли очень издалека и въ маленькихъ звѣрей, даже въ птицъ.

Пониже наконечника на стрѣлу надѣвали граненый шарикъ зэн; иногда въ шарикѣ дѣлались отверстія, и тогда они служилъ какъ бы свисткомъ. Зэнъ надѣвали на стрѣлу для того, чтобы рану сдѣлать больше. На конусообразныхъ стрѣлахъ шарики дѣлались маленькие, чтобы не разрывать шкурки.

Колчанъ для стрѣль по-бурятски назывался хадакъ. Съ лицевой стороны хадакъ украшался вышивками и желѣзными высеребренными бляхами. Лукъ клали въ футляръ хормого; его привязывали съ лѣваго бока, а хадакъ со стрѣлами на правомъ боку.

Во время религіознаго обряда на таилганахъ было въ обычай снимать съ себя лукъ и стрѣлы. Въ настоящее время послѣ совершенія обряда сасали барьха, когда совершающіе обрядъ брызгаютъ изъ своихъ чашекъ курунку (кислое молоко) и тарасунъ (молочную водку) и затѣмъ бросаютъ и самыя чашки кверху, гадая по ихъ паденію, участники вырываютъ нѣсколько травы и втыкаютъ ее себѣ за поясъ. Пословамъ ихъ, это означаетъ: надѣть на себя колчанъ и лукъ.

У бурятъ были также мечи, называемые сэлмэ; ихъковали свои бурятскіе кузнецы, а лучшіе получались изъ Монголіи.

Были у нихъ также копья жада; они дѣлались двухъ сортовъ: одни съ простымъ древкомъ, а другія имѣли на древѣ поперечную перекладину; послѣднія употреблялись на охотѣ за крупнымъ звѣремъ. Впрочемъ, жада, повидимому, было болѣе военное оружіе, чѣмъ охотничье.

Хотою, ножъ не очень большихъ размѣровъ, буряты по-

стоянно носили на поясъ слѣва. Ножи носили всѣ, и большіе, и маленькие, и женщины. Въ землѣ находятъ небольшіе круглые ножи; для чего они употреблялись, неизвѣстно.

4. Пища.

Въ старину, когда буряты только еще переходили отъ быта звѣроловческаго къ скотоводству, они очень дорожили скотомъ. По ихъ преданіямъ, сѣверо - байкальскіе буряты добывали скотъ, главнымъ образомъ, совершая набѣги на жителей Забайкалья и Монголіи. Въ памяти народа и теперь еще сохранилось нѣсколько именъ лицъ, наиболѣе прославившихся такими набѣгами. Угонять конечно было удобнѣе лошадей, вслѣдствіе чего рогатый скотъ размножался у бурята медленнѣе лошадей, а потому и колоть скотъ у бурята не было въ такомъ обычай, какъ теперь. Но у нихъ въ то время существовалъ обычай ханаха. Не желая убивать скотину и въ тоже время имѣя желаніе поѣсть мясного, буряты ловили лошадь или рогатую скотину, дѣлали у нея на шеѣ надрѣзъ и кровь, бѣжавшую изъ раны, собирали въ посуду; выпустивши нѣкоторое количество крови, ее останавливали, и животное отпускали. Добытую такимъ образомъ кровь варили въ котлѣ и ѿли. У нынѣшнихъ бурята обычай ханаха не существуетъ.

Прежніе буряты употребляли въ пищу нѣкоторыя растенія и кореня; они заготовляли ихъ и на зиму. Вместо чая прежде употребляли корень травянистаго растенія хѣдѣ¹⁾. Корень выкапывали во время цвѣтенія и сушили на солнцѣ, затѣмъ толкли и заваривали кипяткомъ.

Мэхэр или *Мэхэрэнэ*²⁾—тоже травянистое растеніе. Употребляли такъ же, какъ предъидущее.

*Синъ*³⁾—употребляли корни; пили, какъ чай. Въ большомъ количествѣ это растеніе вредно дѣйствуетъ на здоровье.

Сайнъ ѿбѣхон (красивая трава)—трава съ мелкими бѣлыми

¹⁾ Вѣроятно *Sanguisorba*.

²⁾ *Polygonum viviparum* L.

³⁾ *Paeonia anomala*.

цвѣтами, вѣжно пахнущими. Цвѣты сушили на солнцѣ, послѣ чего заваривали, какъ чай, и пили.

Современные буряты изъ перечисленныхъ растеній пьютъ отваръ корней *хѣдѣ* и отваръ изъ цвѣтовъ *сайн обѣхон*.

Хара ѫарана — травянистое растеніе. Выкапывали корни, сушили и варили цѣлыми, не толкли.

Ӧёюнѣ — травянистое растеніе; копали корни, тщательно очищали и сушили на солнцѣ, затѣмъ толкли въ ступѣ. Получалась мука, изъ которой мѣсили на растопленномъ салѣ или сметанѣ лепешки, называемыя *бѣн*.

Сабаҳан — травянистое растеніе; употребляли такъ же, какъ и предъидущее.

*Гэшигэнэ*¹⁾ — травянистое растеніе; изъ корней приготавливали муку. Въ настоящее время стебли употребляютъ въ лѣкарство; изъ нихъ дѣлаютъ припарки при внутреннихъ болѣзняхъ и опухоляхъ.

Хонгино или *далан халихан* — травянистое растеніе; въ пищу употребляли корни въ сыромъ видѣ или варили въ водѣ и какъ приправу къ мясу. На вкусъ корень сладкій. Буряты запасали его на зиму.

Аситаши — многолѣтнее растеніе, кустарникъ; въ пищу употребляютъ корни; большою частью жуютъ въ сыромъ видѣ, высасывая сокъ, иногда варятъ и пьютъ отваръ.

Азаргана — трава. Въ пищу употребляется только верхняя часть растенія; їдятъ въ сыромъ видѣ.

Мура-обѣхон — трава; въ пищу употребляютъ стебли въ сыромъ видѣ; корни не їдятъ.

Гэшүүнэ, — трава; їдять или въ сыромъ видѣ, или варятъ и пьютъ отваръ; выварки бросаютъ.

<i>Хулганан-шинэн</i> — трава	}	їдять въ сыромъ видѣ.
<i>Бальширгана</i> — трава		
<i>Унхэ-сур</i> — трава		

Гойхѣно — травянистое растеніе; стебли употребляютъ въ сыромъ видѣ; корни їдять сырые и вареные.

*Салан ѫарана*²⁾ — травянистое растеніе; луковичный корень

¹⁾ *Potentilla anserina* L.

²⁾ *Lilium tenuifolium* Fisch

этого растенія употребляютъ какъ въ сыромъ, такъ и въ вареномъ видѣ. Прежде буряты запасали его на зиму.

Шари харана (желтая сарана¹); луковицы нѣсколько мельче, чѣмъ у предыдущаго растенія; употребляется такъ же.

Наада; корни этого растенія выкапывали, пекли въ горячей золѣ, тогда они становились мягкими и сладкими.

Манихан — трава; употребляется и стебель и корень въ сыромъ и въ вареномъ видѣ. Прежде это было самое употребительное растеніе.

Халяр — трава; употребляется такъ же, какъ мангиханъ.

Буряты употребляли также въ пищу ягоды и весной древесный сокъ.

5. Посуда, орудія и т. п.

Въ старину у бурятъ посуды было немного. Были котлы изъ мѣди и изъ желѣза. Иногда для варки пищи употребляли выдолбленные изъ дерева корыта, называемыя *тэбши*. Въ такое корыто наливали воду и, положа въ воду мяса, пускали въ корыто до-красна накаленные камни. Были также котлы, спитые изъ бересты, но послѣдніе были конечно крайне не прочны. Чашки были долбленая изъ дерева и назывались *айга*; иногда чашки тоже шились изъ бересты.

Ложки, *халбага* и поварешки, *шинаага*, тоже дѣлались долбленая или спитая изъ бересты и прикрѣплялись къ деревянному черенку.

Изъ бересты также шили особья лукошки, по возможности украшая ихъ; они служили для складыванья костей и погребальныхъ остатковъ.

Во время переездовъ буряты возили свое имущество въ переметныхъ сумахъ, спитыхъ изъ шкуръ животныхъ; онъ называются *ута*. Кромѣ ута шились еще мѣшкы изъ кожи, очищенной отъ шерсти; эти мѣшкы называются *башлык*.

Хухэнэк былъ мѣшокъ для стрѣль и прочаго оружія; это былъ скорѣе предметъ украшенія, такъ какъ его очень убирали серебряными бляхами, раковинами и вышивками (см. ниже, стр. 154).

¹) *Lilium Martagon* L.

Топоры у бурять были прежде не такие, какъ теперь; лезвие его приходилось поперекъ топорища, а не вдоль, какъ у нынѣшихъ. Такой топоръ назывался *хухэ*. Кромѣ того былъ *оми-хухэ* съ круглымъ лезомъ; его употребляли для долбленія деревянныхъ чашъ, корыть и лодокъ.

Гахана были особаго рода лопаточки, которыми выкапывали корни съѣдобныхъ растеній. Полукруглый желѣзный наконечникъ гахана насаживался на древко.

Были ли косы у бурять въ древнее время, трудно заключить; впослѣствіи они стали дѣлать косы на подобіе серповъ, съ небольшими, не длиннѣе фута, черенками. Сѣнокошеніе у бурять производилось близко къ осени и продолжалось около двадцати дней, что можно заключить изъ бурятской поговорки, въ которой упоминается о желтыхъ листьяхъ въ связи съ сѣнокошеніемъ.

У бурять издавна употребляется неводъ — *иульмэ*, острога — *хэрэ*, удочка — *гохо*, морда — *гур*. Невода приготавляются изъ волосъ конскаго хвоста и гривы; дѣлаютъ ихъ буряты сами. Гуръ плетутъ изъ тальниковыхъ вѣтвей. *Гэрдэхэ* по-бурятски значитъ лучить рыбу. Лучать обыкновенно осенью. Почти всѣ рыболовныя снасти имѣютъ своихъ *заяновъ* (духовъ), которые носятъ соответствующія названія. Такъ, напримѣръ, *гульмэ* имѣеть *заяна Гульмэши иоён*. *Гур* имѣеть *Гурии хатун*. Есть *Хорэши иоён*, *Гохости иоён*.

Въ преданіяхъ бурять упоминаются лодки деревянныя, долбленыя; впослѣствіи они заимствовали у кого-то изъ своихъ сосѣдей берестяные лодки, но сами дѣлать ихъ не умѣли.

III. Остатки старины въ обычаяхъ и обрядахъ.

1. Родинные обряды.

У бурять Кудинскихъ до сихъ поръ соблюдается слѣдующій обрядъ. Когда рождается у кого-нибудь ребенокъ, то въ юртѣ выкапываютъ яму, противъ двери за очагомъ, въ томъ мѣстѣ, которое буряты называютъ *хоймор тала* и гдѣ большую частью сидѣть женщины. Въ то же время варятъ саламату (мука съ масломъ и сметаной) и ставятъ ее въ трехъ

чашкахъ по тремъ сторонамъ ямы; въ ямѣ разводятъ немного огня. На огонь кладутъ саламату и немного масла. Въ яму кладутъ томто¹⁾, кость отъ лытки, такъ называемую у бурятъ барбаай, каль новорожденаго и всѣ нечистоты, которая выдѣлились вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Для совершенія этого обряда приглашаютъ трехъ или пять женщинъ, а мужчинъ и дѣтей высылаютъ изъ юрты, потому что этотъ обрядъ считается нечистымъ. Одну изъ приглашенныхъ женщинъ выбираютъ быть матерью новорожденаго; она должна въ это время быть неотлучно возлѣ ребенка. Женщины ходятъ вокругъ ямы по-солонь и потомъ съѣдаютъ приготовленную саламату, никому не давая ее. Потомъ эту яму тщательно закрываютъ доской, такъ чтобы ничего не утратилось изъ ямы. Если же что пропадетъ, то ребенокъ не будетъ счастливъ и не выростетъ большой. Въ ямѣ будетъ столько томто, сколько въ семье родится ребятъ.

Второй обрядъ называется ёмбдѣ урулха, а у Балаганскихъ бурятъ—тороло. На второй или на третій день послѣ рожденія ребенка у бурятъ устраивается праздникъ; покупаютъ водки или дома высиживаютъ нѣсколько котловъ тарасуна и колютъ барана или бычка. Всѣ родственники и сосѣди собираются въ домъ новорожденаго. Когда всѣ соберутся, варятъ саламату и мясо; послѣднее раскладываютъ въ корзины, а лытку отъ задней ноги берутъ въ руки и держитъ посаженная (избранная) мать ребенка, которая сидѣть возлѣ новорожденаго. Рядомъ стоитъ люлька²⁾ со всѣмъ, что къ ней нужно, и сидѣть маленький мальчикъ или дѣвочка: если новорожденный мальчикъ, то и возлѣ люльки мальчикъ, а если дѣвочка, то и возлѣ люльки дѣвочка. Какая нибудь старуха держитъ на рукахъ новорожденаго. Посаженная мать въ правой руцѣ держитъ лытку съ большимъ ножомъ, или еще чаще употребляютъ при этомъ кинжалъ; прежде, говорятъ, для этого употребляли стрѣлу. Эту кость и кинжалъ она, не выпуская изъ рукъ, держитъ надъ люлькой и спрашиваетъ мальчика

¹⁾ Томто—не послѣдъ ли? (Потанинъ).

²⁾ Люлька дѣлается изъ тонкихъ досокъ или изъ луба; низъ ея укрепленъ на круглыхъ обручахъ, отъ чего люлька легко раскачивается.

или дѣвочку: кого слѣдуетъ положить въ люльку, ребенка или кость? Мальчикъ отвѣчаетъ: ребенка! Тогда мать опять спрашиваетъ: кого нужно положить въ люльку, ребенка или книжалъ? Мальчикъ отвѣчаетъ: ребенка! Эти вопросы повторяются до трехъ разъ, и каждый разъ на нихъ отвѣчаютъ: ребенка! Послѣ этого посаженная мать спрашиваетъ мальчи-ка или дѣвочку: вверхъ или внизъ (головой?) положить въ люлькѣ ребенка? Мальчикъ отвѣчаетъ: вверхъ! Этотъ вопросъ тоже повторяютъ три раза, и каждый разъ получаютъ тотъ же отвѣтъ. Послѣ этого кость отдаютъ мальчику или дѣвоч-кѣ, которые отвѣчали на вопросы, а они съѣдаются мясо съ кости. А новорожденнаго послѣ этого кладутъ въ люльку и пеленаютъ ремнями, какъ это всегда дѣлается у бурятъ. Потомъ у него стригутъ немного волосъ и кладутъ въ мѣшечъ, который вѣшаютъ на задней стѣнкѣ колыбели, такъ что по числу мѣшечковъ можно видѣть, сколько было дѣтей въ семье. Затѣмъ всѣ гости изъ вина и саламаты дѣлаютъ ду-аѣ—брзганье, а отъ мяса бросаютъ въ огонь по частичкѣ и начинаютъ угощаться. Когда лытка, игравшая роль въ обрядѣ, будетъ очищена отъ мяса, тогда ее кладутъ въ люльку или привѣшиваютъ къ ней. Этимъ обрядъ „олгѣдѣ урул-ха“ оканчивается.

У Балаганскихъ бурятъ прежде было въ обычай, во время праздника *торомо*, дѣлать *милага*, т. е. отдавать въ это время народу кобылицу. Родители новорожденнаго загоняютъ на свой дворъ табунъ лошадей, и одна изъ старухъ, участвую-щая въ обрядѣ, должна надѣть на голову кобылицы арканъ (волосяная веревка); послѣ этого мужчины ловятъ кобылицу, колютъ ее, и мясомъ ея угощаются, а сажу съ котла мѣшаютъ съ масломъ и этимъ стараются марать мужчинъ; это служить для нихъ въ этотъ день забавой.

2. Свадебные обряды.

Сватовство у бурятъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Отецъ жениха съ нѣкоторыми сосѣдями прїезжаетъ къ родителямъ невѣсты. Если родители невѣсты согласны, то ведутся дальнѣйшіе переговоры, и отецъ жениха надѣваетъ

на невѣсту золотую монету, такъ называемую *холобши*. При сватовствѣ очень рѣдко принимаютъ во вниманіе желаніе самихъ жениха и невѣсты. Если монета прината, тогда отецъ невѣсты подаетъ вино; имъ, по обычаю, „брзгаютъ“, а затѣмъ его распиваютъ; послѣ этого договариваются о величинѣ калымъ. Калымъ раньше бывалъ незначителенъ, въ настоящее время больше.

Главный моментъ сговора, когда все условлено, заключается въ томъ, что родители жениха и невѣсты мѣняются между собой поясами. Послѣ обмѣна поясовъ договоръ считается неразрывнымъ. Пированіе по случаю сговора продолжается иногда нѣсколько дней. Во время пированія родители невѣсты шьютъ отцу жениха новую шубу, и при его отѣздѣ надѣваютъ на него эту шубу.

Послѣ этого отецъ жениха начинаетъ выплачивать калымъ, что продолжается не одинаково; одинъ дольше, другой скорѣе выплачиваетъ, почему и сватовство не разъ совершалось тогда, когда женихъ и невѣста еще очень молоды. Когда калымъ выплаченъ, тогда отецъ жениха объявляетъ, что онъ требуетъ невѣсту къ себѣ. Родители невѣсты тогда начинаютъ готовить приданое дочери, шить ей одежду. Въ прежнее время невѣсты приготавляли также лукъ и стрѣлы и дѣлали *хухэнэк*; давали также коня съ полной сбруей и съ сѣдломъ. Въ настоящее время невѣстамъ даютъ сколько нибудь скота. Все приданое называется *онжи*; скотъ онжи считается неотъемлемой собственностью невѣсты. *Хухэнэк*—это большой, аршина въ два, мѣшокъ трехугольной формы, сшитый изъ звѣриныхъ шкуръ и на лицевой сторонѣ украшенный вышивками, желѣзными, покрытыми серебромъ, бляхами и мелкими раковинами, *юбуn* по-бурятски¹⁾). По бокамъ хухэнэкъ имѣеть по девяти ремней, а на лицевой сторонѣ, нѣсколько ниже половины высоты, имѣеть рядъ ременныхъ кистей. Дѣлаются ли ремни только для украшенія или они имѣли какое либо символическое значеніе, неизвѣстно. Въ настоящее время хухэнэкъ выводится, но его еще можно встрѣтить изрѣдка. Въ

¹⁾ Вероятно, змѣиными головками, Сургаа монета (Протапинъ).

1881 г. намъ случилось видѣть хухэнэкъ, въ которомъ торчали три стрѣлы и двѣ бараныхъ лытки, очищенные отъ мяса.

Приготовившись, родители невѣсты назначаютъ день, когда они повезутъ невѣсту, и приглашаютъ къ себѣ всю свою родню. Молодежь съѣзжается раньше, и въ домѣ невѣсты устраивается пиръ, причемъ молодежь играетъ въ игры и пляшетъ. Иногда съѣзжаются только наканунѣ, а иногда за нѣсколько дней. Попировавши въ домѣ невѣсты, всѣ переходятъ въ дома ея родственниковъ; иногда пируютъ не только въ улусѣ невѣсты, но переходятъ пишовать и въ сосѣдніе улусы въ родственные дома. Родственники принимаютъ гостей радушно; это считается какъ-бы ихъ обязанностью.

Въ день отѣзда всѣ собираются въ домѣ невѣсты; раньше собирались всѣ въ полномъ вооруженіи верхомъ на лошадяхъ, и невѣста также ѿхала верхомъ; въ настоящее время ѿдуть на телѣгахъ и тарантасахъ или саняхъ. Когда всѣ соберутся, тогда родители невѣсты колютъ животныхъ и брызгаютъ тарасуномъ и просятъ при этомъ благословенія своей дочери. Мяса и вина берутъ съ собой каждый по состоянію.

Передъ отѣздомъ дѣвицы непускаютъ невѣсту. Онѣ посадятъ ее въ самый уголъ, а сами, взявшись за руки и святившись поясами, чтобы представлять собой неразрывную цѣпь, садятся впереди нея, нѣкоторые даже ложатся на невѣсту, чтобы защищать ее своимъ тѣломъ. Если дѣвицъ много, то очень трудно бываетъ освободить невѣсту; борьбу съ дѣвицами ведутъ мужчины, приглашенные участвовать въ свадебномъ поѣздѣ. Послѣ этого всѣ ѿдуть въ улусъ жениха.

Узнавши, что поѣздъ приближается, отъ жениха нѣсколько человѣкъ ѿдуть на встрѣчу и везутъ мясо и вино. Эту встрѣчу называютъ Ѿал; при встрѣчѣ всѣ слѣзаютъ съ коней и отъ присланного мяса отрѣзаютъ по кусочку и бросаютъ въ огонь; точно также брызгаютъ въ огонь виномъ; это называется дэши барьха, а возліянія виномъ—духайа; послѣ этого ѿдуть дальше. Въ прежнее время ѿалъ высыпался за день до свадьбы въ сопровожденіи вооруженныхъ людей; они сопровождали потомъ свадебный поѣздъ. Между тѣмъ въ улусѣ жениха дѣлаются приготовленія: готовятся угощенія; кромѣ того, срубаютъ березку, такъ называемую турэ, ставятъ

ее передъ юртой жениха, и къ ней привязываютъ домашнаго онгона¹⁾. Около березы разводится огонь; старики и почетные лица со стороны жениха садятся у огня, образуя полукругъ.

Отъ невѣсты прежде всѣхъ прїѣзжаетъ *туруше*; это обыкновенно бываетъ пожилой человѣкъ, знающій обычай. Его встрѣчаютъ обыкновенно съ большимъ почетомъ. Туруше везеть въ рукахъ стрѣлу и при входѣ въ юрту жениха втыкаетъ ее въ столбъ юрты, въ *хоймор тэни*. Туруше сажаютъ на почетное мѣсто и начинаютъ потчевать виномъ; иногда стараются напоить туруше до пьяна еще до прїѣзда свадебнаго поѣзда. Слово *туруше* происходитъ отъ бурятскаго слова *туру*—первый, передній.

За туруше прїѣзжаетъ поѣздъ съ невѣстой. Старики сажаютъ на правой сторонѣ юрты, по-бурятски—*барун-тала* (западная сторона); женщины усаживаются на сѣверной сторонѣ *хоймор-тала*; невѣсту съ дѣвицами прячутъ за занавѣской *хочогон хойно*. Прежде всего на столъ ставятъ молоко или таракъ (нѣчто вродѣ простокваші); всѣ гости пробуютъ это угощеніе; это называется *сагалха*²⁾.

Отцы жениха и невѣсты сидятъ рядомъ у очага; впереди ихъ стоитъ въ посудѣ вино. Два шамана, одинъ съ жениховой стороны, другой съ невѣстиной, брызгаютъ виномъ; во время брызганія они держатъ другъ-друга за руки; это совмѣстное обращеніе къ зяямъ во время брызганья означаетъ, что они соединяютъ членовъ двухъ родовъ въ супружескій союзъ. Послѣ этого начинается попойка до утра. На другой день передъ юртой жениха въ землѣ укрепляютъ березку *турэ*; на тургэ вѣшаютъ божка *хотхо-онгон*, если онъ есть въ домѣ. Затѣмъ ставятъ жердь, прислонивъ ее однимъ концомъ къ березкѣ, и на ней вѣшаютъ шубу матери жениха. На сѣверъ отъ тургэ разводятъ огонь; около огня ставятъ въ посудѣ вино и мясо. Около этого огня садится благословитель, *брѣши*, т. е. стариkъ, который будетъ говорить благословеніе, *орѣль*, жениху и невѣстѣ.

¹⁾ Онгонъ—домашній фетишъ.

²⁾ Обычай подавать молочное угощеніе каждому гостю очень древній; если домохозяинъ не подавалъ *сагалха*, это означало, что онъ не хочетъ принимать его, какъ ровню.

Покровителемъ свадьбы у бурятъ считается *Тулман-саан-найон*, съдой старикъ, который имѣть мѣстопребываніе на горѣ Тулма.

Родители невѣсты всей роднѣ жениха, присутствующей на свадьбѣ, повязываютъ ленты или платки; этотъ обычай называется *зала-зухэ*; на шею собаки также повязываютъ красный суконный ошейникъ, или изъ другой матеріи краснаго цвѣта. Этотъ обычай повидимому ведеть начало отъ быта звѣроловческаго, когда собака была необходимымъ помощникомъ; этимъ хотѣли и ее сдѣлать участницей общей семейной радости. Красный кусокъ сукна навязывали также на крюкъ, по-бурятски *дэгэ*, которымъ буряты достаютъ мясо изъ котла.

Въ это утро косу невѣсты расплетаютъ и заплетаютъ ей *хабит*; это значитъ, что на одной сторонѣ ей заплетаютъ десять косъ, и на другой сторонѣ восемь; послѣ этого ее одѣваютъ въ полную женскую одежду.

Когда все готово, тогда невѣstu выводятъ изъ юрты; къ ней подходитъ женихъ, и они, взявшись за руки, идутъ. Надъ ними несутъ большую шаль за четыре угла, называя это *харабии*, въ переводѣ — „сарай“. Лицо невѣсты при этомъ должно быть занавѣшено какой-нибудь матеріей. Съ лѣвой стороны невѣсты идетъ женщина, такъ называемая мать, по-бурятски *эхэ*; матерью невѣсты не можетъ быть вторая жена, а всегда должна быть первая. Такъ они идутъ вокругъ юрты, и когда, сдѣлавши кругъ, они приближаются къ тургэ, кто-нибудь изъ провожающихъ невѣstu говоритъ: „брѣрши аб!“ благословитель, возьми! Тогда брѣрши-обѣг онъ начинаетъ благословлять невѣstu; въ это время идущіе подъ шалью останавливаются. Когда орѣль (благословеніе) конченъ, они снова двигаются впередъ; снова говорятъ: „брѣрши аб!“ и брѣрши обѣгъ снова благословляетъ; такъ повторяется до трехъ разъ *).

Когда брѣрши закончить третье благословеніе, тогда невѣста входить въ юрту съ своими провожатыми и останавливается у дверей. Въ это время родители невѣсты сидятъ

*). Подлинные тексты благословеній (орѣль) отлагаемъ до слѣдующей книжки, такъ какъ не поспѣль во-время русскій переводъ ихъ. Ред.

около очага на хмойор тала. Газтилаютъ потникъ передъ очагомъ и на него ставятъ невѣсту.

Женихъ въ это время уходитъ къ тургэ; здѣсь сидящіе люди отрѣзываютъ отъ приготовленнаго мяса три куска и подаютъ ему; женихъ бросаетъ ихъ въ разложенный около тургэ огонь. Послѣ этого отрѣзываютъ еще три куска мяса и даютъ въ руки жениху; съ этимъ мясомъ онъ уходитъ въ юрту и становится тамъ на потникъ, рядомъ съ невѣстой, и, кланяясь огню, бросаетъ куски мяса въ огонь очага. Это означаетъ, что женихъ признается равноправнымъ членомъ своего общества и домохозяиномъ; онъ уходитъ послѣ этого къ тургэ.

Невѣстѣ, оставшейся на потникѣ, приносятъ три куска жири; она, кланяясь, бросаетъ ихъ въ огонь очага. Послѣ этого невѣстѣ приносятъ еще нѣсколько кусковъ жира; она бросаетъ ихъ прямо въ грудь своего свекра, хадам по-бурятски. Свекоръ часть жира бросаетъ въ огонь, часть съѣдаетъ, а остальное раздаетъ присутствующимъ; этотъ обычай называется ухэ хайха—бросать жиръ; онъ означаетъ, что, входя въ домъ мужа, женщина приносить честь и изобиліе, и что она обѣщаетъ быть вѣрной женой и дочерью. Совершивши обрядъ бросанія жира, невѣста уходитъ за занавѣску и сидитъ тамъ.

У тургэ въ это время оставшееся отъ бросанья въ огонь мясо дѣлять на три части. Одну часть называютъ, ониони махан—мясо онгоновъ; его откладываютъ подъ тургэ, и не трогаютъ до тѣхъ поръ, пока всѣ свадебные гости не уѣдутъ; вторую часть мяса съ грудиной откладываютъ въ сторону: это—доля борцовъ; имъ оставляютъ также водки или тарасуна; третью часть мяса съѣдають присутствующіе и выпиваютъ также вино.

Въ юртѣ черезъ нѣсколько времени невѣста съ матерью и съ своими женщинами и дѣвушками снова выходить изъ-за занавѣски, подходитъ къ огню и кланяется ему. Ей даютъ чашку съ молокомъ; она нѣсколько капель проливаетъ на огонь и послѣ этого отциваетъ молока изъ чашки и потчуетъ имъ своихъ провожатыхъ женщинъ; послѣ этого чашку возвращаютъ

обратно. Этотъ обычай называется *сагалха*.¹⁾ Затѣмъ свекровь подаетъ невѣстѣ растопленнаго масла въ чашкѣ, и она немного выливаетъ на огонь; тогда свекровь въ свою очередь подаетъ ей чашку съ масломъ, и она опять выливаетъ немного масла въ огонь. По совершеніи этихъ обрядностей невѣста кланяется огню, поворачиваетъ полѣнья на огнь и подкладываетъ нѣсколько новыхъ полѣньевъ. Это значитъ, что какъ увеличивается огонь очага, такъ должно увеличиться семейство ея мужа, а также, что она становится хозяйкой дома. Послѣ этого дарятъ невѣstu, сначала свекровь и свекровь, а затѣмъ и остальная родня жениха. Дарятъ золотыми и серебряными монетами, а невѣста при этомъ угощаетъ присутствующихъ гостей уже какъ членъ новой семьи.

Когда обрядовая часть свадьбы кончится, тогда начинается настоящій пиръ. Около тургэ борются борцы и состязаются въ бѣгѣ, затѣмъ устраиваютъ скачки. Обыкновенно состязаются борцы съ двухъ сторонъ, со стороны жениха и со стороны невѣсты. Угощеніе бываетъ равное и побѣдителю и побѣжденному. Но въ настоящее время эти обычай выводятся. Погулявши и попировавши въ домѣ у жениха, гости переѣзжаютъ въ домъ его родныхъ; такимъ образомъ пирры продолжаются нѣсколько дней.

Кромѣ скачекъ, бѣга лошадей и борьбы во время угощенія гостей, прежде устраивалось также состязаніе стрѣлковъ, выходившихъ по одному съ каждой стороны по-очереди, а равно и другія игры. Молодежь обоего пола устраивала пляски. Для этого всѣ ставали въ кругъ, держа за руки другъ-друга и медленно двигались по солнцу; при этомъ они пѣли пѣсни. Затѣмъ сдвигались плотнѣе и скакали, двигаясь все время по солнцу; въ это время и мотивъ пѣсни изъ протяжнаго становился болѣе отрывистымъ. Пляска эта существуетъ и до нынѣ и называется *хатарха*. Кромѣ хатарха буряты имѣли и другія пляски, которые состояли въ подражаніи разнымъ животнымъ, звѣрямъ и птицамъ. Какъ народъ охотничій, буряты должны были постоянно наблюдать звѣрей, чтобы умѣть перехитрить ихъ въ случаѣ надобности;

¹⁾ *Сагалха* буквально— „бѣлить“.

потому и въ играхъ и въ пляскахъ ихъ выражалась наблюдательность и подражательность въ этомъ отношеніи. Буряты плясали такъ называемый *хор надан*; въ переводѣ на русскій это будетъ *глухариная игра*. Пляшущіе садились вдвоемъ на корточки, держась на однихъ носкахъ ногъ; руки держали вытянутыми наравнѣ съ плечами; такъ поднятые руки представляли крылья глухаря. Пляшущіе, подпрыгивая на носкахъ, сходились и расходились; третій пляшущій представлялъ глухариную самку, которая во время пляски проходила между самцами, и самцы дрались за самку. Пляшущіе подражали также и крику глухаря. Другая подобная пляска называлась *хомоло*, и также исполнялась на корточкахъ съ распростертыми въ воздухѣ руками; но ее плясали парами, другъ противъ друга, то подскакивая близко, то удаляясь назадъ. Пляску *мэндэшелгэ* плясали, стоя на ногахъ, одинъ противъ другого, и также сходясь и расходясь; во время мэндэшелгэ пѣли пѣсни.

У Кудинскихъ буряты свадебные гости всегда возвращаются домой въ тотъ же день, и на свадьбу прѣѣзжаютъ всегда верхами; это болѣе древній обычай. Невѣста иногда остается въ домѣ свекра, а иногда уѣзжаетъ обратно домой.

Свадьбы обыкновенно устраиваютъ лѣтомъ. Балаганскіе буряты время года не разбираютъ, но у нихъ сохранялся по видимому, очень древній обычай до очень недавняго времени. Свадебные гости, уѣзжая домой, старались какъ можно ловче угнать нѣсколько штукъ рогатаго скота, но немногого. Сосѣди жениха бросались за похитителями въ погоню; происходила драка, иногда скотъ возвращали, а иногда его угоняли въ улусъ невѣсты, гдѣ его кололи и мясо съѣдали, а кожу дѣлили поровну между всѣми.

Въ настоящее время свадебнымъ гостямъ передъ отѣѣздомъ подаютъ вино, называемое *ухэри архи*, что въ переводѣ значитъ „скотское вино“ *), вино за скотъ. Это означаетъ, что родители невѣсты угощаютъ своихъ гостей, чтобы они не угоняли скота у жениха, почему можно думать, что угонъ

* Ухэри — корова; архи — вино.

скота бывалъ только въ томъ случаѣ, если гости оставались недовольны угощениемъ въ домѣ жениха.

Провожая свадебныхъ гостей, родители жениха, взамѣнъ привезенного ими мяса, которое носить название *сахемжса*, даютъ въ свою очередь мяса и вина, что называется *мэнхэни оёр* — „дно посуды“, буквально. По бурятскому обычаю посуду, привезенную съ чѣмъ либуть въ подарокъ, нельзя возвращать обратно пустую. Возвратившись домой, родители невѣсты приглашаютъ къ себѣ старииковъ и старухъ, не ъздившихъ на свадьбу, и угощаютъ ихъ привезеннымъ мясомъ и виномъ.

Въ домѣ жениха послѣ отъѣзда свадебныхъ гостей, также собираются старики и старухи и послѣ небольшого религіознаго обряда: *дэши барьха и духаху*, мясо, оставленное подъ тургэ подъ именемъ „онгоннаго мяса“, съѣдаются и выпиваютъ вино, по-тому расходятся по домамъ.

Въ настоящее время невѣста пріѣзжаетъ жить въ домѣ жениха спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Въ это время ей готовятъ приданое, шьютъ одежду; надобно, чтобы она носила свою одежду въ домѣ свекра. Ей даютъ также скотъ, и этотъ скотъ не колютъ и не продаютъ, поэтому онъ быстро размножается.

На житѣе невѣста пріѣзжаетъ въ домѣ жениха въ сопровожденіи нѣсколькихъ родныхъ, человѣкъ до десяти; ихъ опять угощаютъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней. Въ это время молодая женщина носить название *бэри*. Она уже одѣвается въ женскую одежду и щеголяетъ ею, носить много косъ, такъ называемыхъ *хабига*, и украшаетъ голову монетами и маржанами (кораллами). Когда пройдетъ около полугода, тогда хабига перемѣняютъ на другую прическу — болто, двѣ косы. У Кудинскихъ бурять много косъ носять до старости и постепенно уменьшаютъ ихъ число. Когда нужно расплетать хабига, тогда приглашаютъ старухъ, которая варятъ сметану и мясо; все это въ чашкахъ и корзинахъ ставятъ на столѣ около очага, а въ это же время возлѣ очага молодую женщину сажаютъ, расплетаютъ ей косы и заплетаютъ въ двѣ косы, послѣ чего немнога саламаты и мяса бросаютъ въ огонь, а остальное съѣдаютъ. Послѣ этого молодая должна еще совершиТЬ обрядъ поклоненія онгонамъ. Женщинѣ, носящей

хабига, не позволяет молиться родовымъ онгонамъ мужа; она какъ бы еще считается чужой. Чтобы окончательно войти въ домъ, она должна совершить обрядъ: онгондо орхо—входъ къ онгонамъ. Для этого она съ мужемъ берутъ барана, саламаты и вина; заколовши по религіозному обряду барана и побрызгавъ виномъ и саламатой въ огонь, они кланяются онгонамъ. Послѣ поклоненія домашнимъ онгонамъ молодые дарятъ отца и мать новыми одеждами, при этомъ они кланяются родителямъ въ ноги и просить у нихъ благословенія. Родители благословляютъ ихъ и дарятъ скотомъ.

Отношеніе невѣсты къ свекру и роднымъ мужа таково. Невѣстка ни подъ какимъ видомъ не должна называть своего свекра и свою свекровь по имени. Всѣхъ родственниковъ своего мужа старше его и свекра она должна называть *хадамъ*. Даже когда старики уже умерли, а невѣстка состарѣлась, она не произносить именъ своихъ хадамъ. Мало того: имена тѣхъ чужихъ мужинъ, которыхъ одинаковы съ именемъ свекра, бурятка не должна произносить. Молодая бурятка никогда не должна быть передъ своими хадамъ безъ шапки и безъ *хамжула*; *хамжулъ* этотъ только покрываетъ спину; его носять вмѣсто прежней *дэглэ*, хотя у бурятъ Кудинскихъ, Капсальскихъ, Верхоленскихъ и Ольхонскихъ до сихъ поръ замужнія женщины носятъ *дэглэ*; Балаганская, Идинская и Аларская бурятки носятъ *хамжулъ*. Буряты говорятъ: „*öндör тэнгэридэ ороё харулха угэй, улгэн ехэ дэлхэдэ арая харулха угэй!*“ т. е. высокому небу женщина не должна показывать верхушку головы, и великой землѣ не должна показывать спину. Переодѣваться или раздѣваться передъ своими хадамъ женщина не должна; ея постель должна быть въ отдельной юртѣ, а если она находится тутъ-же, то непремѣнно за занавѣской. Хадамъ также не долженъ раздѣваться передъ своей невѣсткой, и ни въ какомъ случаѣ не смѣеть сѣсть или лечь на ея постель. Входя въ юрту, гдѣ находится невѣстка, хадамъ долженъ предупредить ее о томъ, что онъ идетъ, и нѣсколько постоять у входа, чтобы она могла привести свою одежду въ порядокъ. Хадамъ не долженъ также произносить неприличныхъ словъ передъ своей невѣсткой; еслибы случилось, что онъ произнесъ что нибудь нескромное, невѣстка

должна выйти изъ юрты и не входить, пока разговоръ не прекратится. Невѣстка не должна входить въ юрту съ правой стороны и не должна проходить въ юртѣ направо отъ очага, чтобы не подходить близко къ онгонамъ, которые помѣщаются всегда направо отъ очага. Вообще замужнимъ женщинамъ запрещается быть на правой сторонѣ юрты. Если невѣсткѣ встрѣтится ея хадамъ, она должна обойти его кругомъ, никакъ не пересѣкая ему дороги. Совершенно немыслимо, чтобы хадамъ поѣхалъ съ невѣсткою въ одной телѣгѣ или въ саняхъ; вообще находиться близко къ своимъ хадамъ считается для нея неприличнымъ. Говорить при нихъ что-либо непристойное или нескромное грѣшно. Съ своей стороны хадамъ передъ своими невѣстками долженъ вести себя скромно и прилично; въ противномъ случаѣ онъ не пользуется уваженіемъ.

Весь этотъ этикетъ въ отношеніяхъ хадамъ и невѣстки называется по бурятски *сэрхэхэ*. Слово состоитъ изъ двухъ: *сэр* грѣхъ и *хэхэ*—дѣлать; смыслъ *сэрхэхэ*—„не дѣлать грѣха“, при чемъ должно думать, что частица отрицанія—*угей* выпущена для краткости.

3. Похоронные обряды.

Въ прежнее время буряты имѣли обычай сжигать своихъ покойниковъ безъ различія пола и возраста. Когда кто-нибудь умиралъ, то его родня и сосѣди, т. е. соплеменники, собирались къ покойнику, кто бы онъ ни былъ. Они одѣвали его въ его лучшую одежду; если была возможность, то шили новую. На покойника надѣвали и цамцу, и шубу, и унты, и шапку,—однимъ словомъ все то, что онъ носилъ при жизни. Покойнику привязывали къ поясу ножны съ ножемъ и ложку деревянную или металлическую; на шею надѣвали кисеть съ табакомъ или также привязывали табакъ къ поясу. Подлѣ покойника клади колчанъ съ лукомъ и копье. Съ покойникомъ клади также сѣйственные припасы, такъ какъ по мнѣнію бурята душа покойника живеть послѣ смерти той-же жизнью, какъ и на землѣ. Класть покойникамъ огниво, молочную пищу и волосяные веревки считается великимъ грѣхомъ.

Приготовивъ все необходимое, собравшіеся буряты сна-

ряжали коня для покойника, на коня надѣвали всю лучшую сбрую и лучшее сѣдло. Готоваго коня привязывали къ сэрэ, къ столбу для привязыванья лошадей. Послѣ этого покойника выносили и сажали на коня, поддерживая его съ обѣихъ сторонъ; коня велъ за поводъ одинъ изъ участниковъ въ похоронахъ, или слуга покойника, если онъ у него былъ. На покойника надѣвали полное его вооруженіе, и покойникъѣхалъ впереди, а за нимъ слѣдовали всѣ его родичи. На путь одну стрѣлу изъ колчана покойника выстрѣливали назадъ; при возвращеніи эту стрѣлу брали съ собой въ домъ. Этотъ обычай сохраняется до нынѣ у Кудинскихъ бурятъ при похоронахъ шамана.

Если покойникъ былъ такъ бѣденъ, что не имѣлъ коня, тогда его несли къ мѣсту сожженія на рукахъ. Такой безконный покойникъ, по мнѣнію бурятъ, былъ осужденъ всю дальнѣйшую свою загробную жизнь проводить также безъ коня; поэтому всякий бурятъ старался имѣть къ смерти коня. Впослѣствіи, съ умноженіемъ скота у бурятъ, бѣдняковъ покойниковъ отвозили иногда на быкѣ. Если покойникъ былъ богатый или какой нибудь силачъ бѣхѣ, который былъ начальникомъ зэгэтэ-аба, т. е. въ звѣриной облавѣ, то онъ по обычаю долженъ былъ имѣть при похоронахъ своихъ слугу, котораго насильственно убивали и сожигали вмѣстѣ съ покойникомъ; этотъ слуга долженъ былъ на томъ свѣтѣ служить душѣ покойника. Такого слугу обыкновенно называли: *мори барюхайн эмэль тохухайн*. Если покойникъ при жизни не имѣлъ слуги, то по обычаю ему не полагалось слуги и при похоронахъ.

Когда похоронная процессія прїезжала на мѣсто сожженія, то приготавляли дрова, складывали ихъ четыреугольникомъ, на дрова клали покойника, снявши его съ коня, подъ покойника постилали потникъ, а въ головы ему подкладывали сѣдло; такимъ же образомъ на токумѣ (подсѣдельномъ потникѣ) и на сѣдлѣ спали буряты во время своихъ облавъ и походовъ. Потомъ все оружіе и всѣ вещи раскладывали около покойника, а иногда стрѣлы, лукъ, копье и прочія вещи ломали; коня покойника убивали; если былъ слуга, то и его убивали. Послѣ этого дрова зажигали, и покойникъ со всѣмъ

тѣмъ, что его окружало, сгоралъ. По окончаніи этого всѣ присутствующіе уѣзжали домой. Возвращаясь, никто не долженъ былъ оглядываться; если же кто оглядался, того, по мнѣнію бурятъ, покойникъ возьметъ съ собою, т. е. вѣрили, что такой человѣкъ скоро умретъ. Если покойникъ былъ изъ предводителей или отличался физической силой и мѣткостью въ стрѣльбѣ изъ лука, то при похоронахъ его соплеменники пѣли пѣсни, въ которыхъ восхваляли его дѣйствія и подвиги при жизни. У Кудинскихъ бурятъ и нынѣ существуетъ обычай пѣть пѣсни во время похоронъ шамана, въ которыхъ описываются события изъ его жизни. На третій день послѣ сожженія покойника родня и сосѣди покойника собирались къ его семье, и всѣ, взявшись съ собою сѣстры припасы и все, что нужно, приѣзжали на мѣсто сожженія покойника. Здѣсь они собирали всѣ оставшіяся отъ сожженія кости и металлические остатки отъ оружія и отъ прочихъ вещей. Все собранное складывали, по словамъ преданія, въ берестяное, изукрашенное узорами лукошко и закапывали въ землю на мѣстѣ сожженія. Послѣ того угощались привезенными сѣстрами припасами и возвращались домой. Этотъ обрядъ назывался яха барыха—кости собирать. Это выраженіе сохранилось и до сегодня, хотя обычай сожигать покойниковъ уже почти совсѣмъ вышелъ; такъ въ настоящее время называютъ обычай поминать покойника на третій день пиромъ. Въ настоящее время изрѣдка находятъ сгорѣвшія кости, пепель и остатки металлическихъ вещей, сложенные въ берестяныя лукошки въ землѣ; но попадаются также эти вещи и въ глиняныхъ горшкахъ, между тѣмъ преданія совсѣмъ не упоминаютъ о гончарномъ искусстве у бурятъ. Можетъ быть, такие горшки буряты получали отъ сосѣднихъ народовъ путемъ обмена.

Особыхъ похоронныхъ мѣсть у бурятъ повидимому не было; хоронили покойника тамъ, где онъ умиралъ. Во время кочевого быта всѣ родичи оставались втеченіе трехъ дней, где было совершено сожженіе, послѣ чего перекочевывали подальше. Дѣлалось это потому, что думали, что душа покойника первые три дня не удаляется отъ дома. Дни эти назывались хартай, т. е. черными днями.

М. Хангаловъ.